

Къ вопросу о народности.

Въ нашъ вѣкъ вопросъ о народности — модный вопросъ. Поэтому я желалъ бы, насколько буду въ состояніи, разобраться въ немъ и освѣтить его со своей точки зрѣнія.

Свѣтскіе журналы и газеты въ настоящее время о народности пишутъ много, но они умалчиваютъ о томъ, кѣмъ хочетъ, можетъ и долженъ быть русскій народъ. Между тѣмъ, эти вопросы тѣсно связаны съ народностью и по своей важности требуютъ рѣшенія. Чтобы дать правильную постановку вопросу о народности, надо рѣшить прежде всего, кѣмъ хочетъ быть русскій народъ.

Хочетъ-ли онъ быть политически сильнымъ, могущественнымъ и

великимъ народомъ, — такимъ народомъ, чтобы другіе о немъ отзывались съ восторгомъ и вездѣ и всегда прославляли его?... Если мы заглянемъ въ исторію прошедшей жизни русскаго народа, то найдемъ тамъ на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. Хотя русскій народъ въ продолженіе тысячелѣтія своего существованія и велъ многія войны, однако ближайшая цѣль ихъ была защита своей родины, подвергавшейся всевозможнымъ нападеніямъ отъ злыхъ враговъ; самъ лично онъ жаждалъ мира и никогда не несъ цѣпей рабства въ чужіе предѣлы. Это съ одной стороны. Съ другой — о томъ же свидѣлствуютъ сношенія русскихъ съ иностранцами. Встрѣтившись съ иностранцемъ, русскій человѣкъ нисколько не превозносится передъ нимъ, напротивъ онъ чувствуетъ себя стѣсненно и принижено. При этомъ онъ все свое, кажущееся ему жалкимъ и незаслуживающимъ вниманія, поноситъ и даже презираетъ, а все иноземное, представляющееся предъ нимъ высокимъ и долженствующимъ вызывать одно преклоненіе, хвалить и превозносить. Изъ указанныхъ фактовъ ясно слѣдуетъ, что русскій народъ о своей знатности и чрезвычайномъ политическомъ ростѣ не помышляетъ.

Не помышляетъ также онъ и о своемъ экономическомъ и культурномъ процвѣтаніи и образованіи. Это настолько очевидно, что даже не требуетъ особыхъ доказательствъ.

Культурность у другихъ народовъ стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ Россіи, и намъ приходится только скорбѣть за свою отсталость...

Хочетъ-ли, какъ нецъ, русскій народъ сохранить свое древнее и жить такъ, какъ жили его предки и дѣды? Подобное стремленіе у нѣкоторыхъ русскихъ людей замѣчается и они свято хранятъ свои преданія, какъ дорогую жемчужину. Эти люди живутъ отдѣльно отъ остальныхъ, образовали особый классъ людей, извѣстный подъ именемъ „старообрядчества“. Однако часть не говоритъ еще о всемъ русскомъ народѣ, который въ своей цѣлости скорѣе отличается, такъ сказать, своею интернаціональностью, — именно: русскій человѣкъ, куда бы онъ ни пріѣхалъ въ чужой край, тотчасъ привыкаетъ къ нему, перенимаетъ у него языкъ и пріобрѣтаетъ себѣ господствующія тамъ привычки. Словомъ — русскій имѣетъ способность жить одною жизнью съ сосѣдями и дышать ихъ жизненною атмосферою. Русскій рабочій, удалившись въ Крымъ или въ Казань, черезъ годъ-два вла-

дѣтъ татарскимъ языкомъ; удалившись въ Финляндію, научается языку финскому; среди якутовъ, въ далекой Сибири, привыкаетъ къ языку якутскому. На вопросъ о томъ, хочетъ-ли сохранить свою самобытность русскій народъ, приходится отвѣтить—нѣтъ.

Тогда чего-же въ самомъ дѣлѣ хочетъ нашъ русскій народъ? Мы знаемъ, что всѣ народы въ своихъ чувствахъ къ родинѣ выказываютъ то завѣтное свое желаніе, которое на ихъ взглядъ выше и дороже всего на свѣтѣ. Такъ, древніе римляне съ благоговѣніемъ преклонялись предъ словами „Сенатъ и Римъ“, ихъ считали величіемъ своей страны. Французы съ жаромъ и съ восторгомъ говорятъ о красотѣ Франціи, о славѣ ея; за нее они готовы во всякое время положить душу свою и тѣло. Англичане съ гордостію произносятъ имя старой Англійи и прославляютъ ее и въ разговорѣ, и въ своей литературѣ. Какую бы мы страну ни взяли, въ ней по чувствамъ народа всегда можно судить о высшемъ идеалѣ его. Точно такое-же правило мы примѣнимъ и для опредѣленія идеала русскаго народа. Обратимся къ былинамъ, пѣснямъ и сказаніямъ народа; разбравъ ихъ, мы сознаемъ, что въ нихъ народъ болѣе всего говоритъ „о Святой Руси“... „Святая Русь“; „святость“ народа—вотъ высшая цѣль, о которой въ тайникахъ своей души въ лучшія минуты своей жизни, думаетъ русскій человѣкъ. Вотъ чѣмъ хочетъ, можетъ и долженъ быть русскій народъ... Теперь спросимъ себя: дѣлаемъ-ли мы для народа то, что для него свято и дорого, что онъ считаетъ самымъ священнымъ для себя? Проповѣдуемъ-ли мы среди него свѣтъ евангельской истины, который одинъ только можетъ дать ему полное удовлетвореніе и упокоеніе въ жизни? Вѣдь одно сознаніе народомъ необходимости святости, одно признаніе святости своимъ идеаломъ еще не дѣлаетъ народа святымъ; мало сознавать, нужно исполнять, совершать.

Сдѣлать этого русскій народъ своими собственными силами не можетъ, вслѣдствіе своего невѣжества и духовной нищеты, часто равной его умственному и нравственному отупѣнію. Образованные и просвѣщенные русскіе люди должны оказать свою посильную помощь своимъ меньшимъ и темнымъ братьямъ. Если каждый человѣкъ всегда интересовался и интересуется тѣмъ, въ чемъ заключается его личная основная цѣль и назначеніе его жизни, то тѣмъ болѣе онъ долженъ

интересоваться цѣлью и назначеніемъ жизни всего своего народа. Мы обязаны проникнуться нуждами народа и что нибудь сдѣлать для блага его. Если кто изъ насъ сердечно любитъ народъ, тотъ не будетъ равнодушно наблюдать за ужаснымъ состояніемъ родной страны, но онъ явится усерднымъ дѣятелемъ въ такомъ благомъ дѣлѣ, какъ осуществленіе русскимъ народомъ своего высшаго идеала.

Соединимся вмѣстѣ, дадимъ другъ другу руку помощи и посвятимъ себя на служеніе народу, жаждущему единого свѣтлаго источника жизни — евангельской истины.

Священникъ *Іоаннъ Марковъ.*
